

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Харламов

Перед грозой

Повесть

Александр Харламов

Перед грозой

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Харламов А. С.

Перед грозой / А. С. Харламов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Эта повесть о войне и жизни обычной русской семьи в немецкой оккупации. В центре повествования семья Подерягиных, бывших раскулаченных крестьян, которые хлебнули немало горя от советской власти, но на что они пойдут ради того, чтобы их Родина оставалась свободной? На чьей стороне они будут воевать и пойдут ли на сделку со своей совестью? Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

© Харламов А. С., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

1	6
2	9
3	14
4	19
5	24
6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии СС0. Указания авторства не требуется.

« Перед грозой...»

1

Май 1942

За окном медленно и неспешно, уверенная в своем превосходстве растекалась, иссини черная грозовая туча. Несколько раз раскатисто и надрывно громыхнул гром. Мелькнула молния на затянутом пушистым облачным покрывалом небе. Ветер колыхнул могучие стволы полувековых тополей сначала робко и нерешительно, а потом с каждым разом все сильнее и сильнее, сгибая их до самой земли, ломая хрупкие тонкие ветви, подметая неровными зелеными листочками пыльную брусчатку перед зданием горсовета.

Потом ветер заглянул в окошко, смел несколько разбросанных писем с письменного стола, швырнул их в общую кучу, сваленную у двери, но всего этого глава горисполкома товарищ Савинков не заметил. Он сосредоточенно работал, вытаскивая из сейфа одну за другой толстые папки с важной документацией. Некоторые из них он сразу бросал в огромную кучу бумаги, сложенную у двери, другие внимательно читал, но потом все же отправлял их следом за первыми.

За плотно прикрытой, обитой дерматином дверью слышался возмущенный голос секретарши Валечки и ее неловкие попытки ответить на с утра постоянно трезвонивший телефон.

– Алексей Сергеевич занят!– прокричала она из-за двери, привлекая внимание Савинкова.– Подождите! Да, подождите же вы!

Глава горисполкома поднял голову от бумаг, наблюдая за вошедшим в его кабинет крепко сложенным крепким мужчиной в форме НКВД. Туго затянутая португеей грудь была украшена орденами. Хмурое узкое лицо с чуть татарским разрезом глаз пересекал сабельный шрам, обезобразивший офицера. Не поздоровавшись, он прошелся по кабинету, громко цокая каблуками хромовых сапог. Подошел к раскрытому окну и стал смотреть на опустевший город, замерший в ожидании первой майской грозы.

За неплотно прикрытой дверью в приемную зазвонил телефон. Валечка сняла трубку и в тысячный раз за это утро начала рассказывать одно и тоже своему невидимому собеседнику.

– А я вам говорю, что это все слухи! Нет! Горисполком не собирается в эвакуацию! Да нет немцев под Алексеевкой! Нет! Кто вам такое наплел, товарищ?! Нет! Все на местах! Товарищ Савинков не может подойти к телефону... Потому что занят! Он не коров пасет, в конце концов!

С раздражением, накопившимся за целый день, Валечка положила телефонную трубку рядом с аппаратом, схватилась за голову, приглушенно стоная.

– Людям врешь...– заметил чекист, прикусив нижнюю губу, так и не взглянув в сторону Савинкова.

– Тарас Павлович, товарищ майор, так если правду сказать, паника начнется!– виновато пожал плечами глава горисполкома, бросая очередную папку в угол.

– Где немцы знаешь?– майор НКВД отвернулся от окна, медленно и с наслаждением закурил. Ароматный густой дым сизым облаком повис в комнате, огибая дорожную хрустальную люстру, висевшую под потолком.

– Час назад звонил Петренко из Алексеевки,– торопливо пояснил Савинков,– сказал, что немцы уже зашли в город!

– Документацию не уничтожили, сами не уехали. Плохо,– покачал головой майор Говоров, глубоко затягиваясь. В его удивительном спокойствии было что-то от обреченности, толкающей людей на самые отчаянные поступки. Он вяло чиркнул спичкой и бросил ее в кучу бумаг, наваленных в углу. Пламя вспыхнуло и потухло. Он выразительно посмотрел на Савинкова, и тот моментально все понял.

– Сейчас...сейчас...Один момент...– он начал отчаянно шарить по своим карманам серого летнего пиджака в поисках спичек, но найти их никак не мог, от этого волновался еще больше и терялся все сильнее.– Минутку...Валечка! Валечка!– громко позвал он секретаршу.

Молодая розовощекая девушка с красными от слез глазами заглянула в кабинет.

– Да, Алексей Сергеевич!– вопросительно взглянула она на главу горисполкома, хлопая своими огромными ресницами, похожими на крылья бабочки.

– У тебя спичек нет?– попросил Савинков, продолжая бесполезные поиски. Руки его тряслись. Он не сразу попал в карман. Вывернул его наизнанку, выронив какую-то мелочь.

– Да вы что же, товарищ Савинков!– удивилась Валечка.– Я же не курю...

– Иди, деточка... Иди домой!– махнул на нее рукой глава горисполкома.– Иди!

– А как же вы?

– Иди, я сказал!– рявкнул Савинков на нее.– Выходной у тебя сегодня...И завтра...Черт! Где же эти спички, будь они неладны!

За Валечкой захлопнулась дверь, и лишь тогда Говоров с легкой улыбкой протянул ему полный коробок.

– Угощайтесь!– проговорил он, отходя от окна.

– А? Спасибо...

Дрожащими руками Савинков поджег несколько бумаг в куче, прикрыв их другими. Тут же зачадило. Комната наполнилась густым едким дымом. Говоров закашлялся, выбросив недокурную папиросу.

– Значит, уходите?– спросил он, взглянув на главу горисполкома, протиравшего заслезиившиеся глаза.

– Партия...

– К черту партию!– стукнул кулаком по столу майор госбезопасности.– К черту приказы! А люди? Как же ваши люди? Валечка эта...– он кивнул своей лысой головой в сторону приемной.– Вам их не жаль?

– Это все лирика! Жаль ни жаль!– неожиданно осклабился Савинков.– Приказы партии не обсуждаются, и вы, Тарас Павлович, не меньше меня об этом осведомлены...Да и что от меня зависит? Жизнь Валечки? Кто я такой, чтобы их спасти? Господь Бог? В нашем государстве в него не верят!

– Ясно...– сухо кивнул майор.– И далеко собрались?

– План эвакуации из города был составлен заранее и согласован с вами.

Савинков огляделся по сторонам. Нашел взглядом кожаный портфель, поднял его с затоптанного пола и отряхнул. Быстрым движением сгреб со стола какую-то мелочевку, записнул туда несколько объемных кожаных папок с особо важными бумагами.

– Осмелел, гад...– удовлетворенно кивнул Говоров, глядя на суетящегося Савинкова с долей презрения и легкого превосходства.– Осмелел...Забыл, как в тридцать седьмом умолял меня, в ногах валялся, лишь бы на должности остаться и под суд не угодить, а?

– А я за все это, Тарас Павлович, с лихвой рассчитался!– надев круглые очки и оправив пиджак, пояснил глава горисполкома.– Прошло ваше время...Прошло! – почти прокричал он, выбегая на улицу. Говоров не стал его догонять. Быстрым шагом подошел к окну, разглядывая побег городского начальства из окна его кабинета.

Савинков выскочил во двор почти бегом. Под окнами возле потертой, выдавшей виды полуторки курил знакомый особисту шофер – Яшка. С тревогой он смотрел, как и Говоров на почерневшее небо, мечтая лишь только о том, чтоб не пошел град.

– Поехали! Поехали, мой родненький! Бегом-бегом!– закричал водителю Савинков, прыгая рядом на сиденье.

Оглушительный раскат первого весеннего грома порвал сонную разомлевшую тишину маленького уездного городка. Глава Горисполкома дернулся, словно это была авиационная бомба.

– Нас ждут на вокзале!– прокричал он Яшке, торопя его.

И вот, в унисон с этим громом с неба сорвался холодный крупный дождь, отчаянно заколотивший по подоконникам и накрытым железом крышам. Полуторка, громыхая на кочках, покатила прочь из города, а Говоров так и остался стоять возле открытого окна, подставляя свое морщинистое лицо ледяным струям ледяного ливня, словно пытаясь смыть с себя то, что не давало ему покоя уже очень долгое время – ощущение безысходности, тревоги, волнения.

2

– Шурка, смотри, как я умею!– Коля залез на самую верхушку дерева и спрыгнул оттуда с высокими брызгами, разлетевшимися во все стороны. Маленькая шупленькая девочка с длинной черной косой наблюдала за купанием брата с берега. Сашка плавать не умела, о чем в тайне от всех горевала, предпочитая бросать мелкие камешки с берега в воду, да сопровождать в постоянных купаниях брата.

– Попробуй! – предложил ей брат, широкими косыми саженками подгребая к обрывистому берегу, поросшему толстыми тугими корнями плакучих ив, обильно разросшихся по всему берегу реки.

– Коль, ты же знаешь...– покачала головой отрицательно Шурка, чутко прислушиваясь к шороху шагов, раздавшихся где-то позади в кустах.

– Вот они – малолетние козявки!– раздвинув густые кусты высокой травы, к реке вышел Митька – местный дурачок, над которым все потешались и насмехались. Шурке его было даже немного жаль, особенно когда тетка Варька или дед Федор плохо отзывались о нем.

– А Митька вас ищет, ищет... Думает уж не найти! – самодовольно усмехнулся здоровый увалень, потирая раздутое от постоянного недоедания пузо.

– Тебе чего?– строго спросил Коля, выходя на берег. Его худое, поджарое тело светилось на солнце миллионами мелких водяных капелек, растекавшихся по бронзовому загару серебристой волной. У него были крепкие разбитые от тяжелой работы руки, чуть раскосые мамыны глаза и хорошо сложенная отца фигура.

– Митька искал вас, чтобы передать слова деда Федьки!– заулыбался дурачок.– Он сказал, что если эти два прохиндея не явятся домой, то хворостины они отведают точно!

– Спасибо!– поблагодарила его Шурка, собирая букет нарванных полевых цветов.– И правда, Коль, что-то мы загулялись сегодня...

– Митька-дурачок! – из кустов в след за Митюшей выскочили трое ребят постарше с Масловки. Их Шурка знала плохо, только главного среди них Ваську Полухина – сына Колькиного крестного.

– О-о-о...-протянул этот самый Васька нудным голосом.– А тут и Подерягины здесь! С дурачком якшаетесь? Может вы сами такие же?– трое парней, стоявших позади своего лидера противно захихикали. – Митюша? Скажи «а»?– рассмеялся Васька, подняв с земли большой угловатый камень.

– «А»!– заулыбавшись, протянул Митька.

– Камень в рожу на!– крикнул Васька, со всего маху влепив его в дурачка. Острый угол расшиб тому колено, брызнула алая кровь.

– Ах ты, гад!– Колька, сжав кулаки бросился вперед, но Шурка его удержала.

– Оставь ты их...

– Что струсил?– вперед выступил второй мальчишка, оперев руки в бока.– Трус! А Колька Подерягин – трус!– запел он, строя противные рожицы.

– Я...– брат бросился вперед, но тут же на половине пути остановился, чутко прислушиваясь к тишине. Где-то далеко, на самом пределе слышимости, ему показался незнакомый звук, который становился все громче и громче, медленно и неотвратимо, как лавина, приближаясь.

– Что застыл, трусишка?– хмыкнул Васька, закатав рукава линялой клетчатой рубахи, доставшейся ему от отца.– Ссышь?

– Тихо!– прикрикнул на него Коля, всматриваясь в ярко-голубое небо, прошитое бело-снежными перистыми облаками.– Слышите?

Все подняли голову наверх. Звук стал отчетливо слышен, будто работал двигатель трактора в МТС.

– Самолет кажись... – пробормотал один из ребят, задрав голову вверх. Плоская кепка с длинным козырьком слетела на землю.

– Какой самолет, дурень! – вскинулся на него Васька. – Наши-то еще неделю назад ушли...

– Самолет! – закивал радостно головой Митюша.

– Молчи хоть ты! – рывкнул на него Полухин, взглядываясь в синеву чистого неба.

– Самолет! – Шурка увидела его первая. Из-за пушистой кроны дерева выглянул острый нос с пропелером, а потом и размашистые длинные крылья с черными крестами в белой окантовке.

– Немцы! – вырвалось у Полухина, неотрывно смотрящего за полетом бомбардировщика.

– Фашисты идут... – убитым голосом согласился с ним Колька.

– Бежим!

– Стой!

За первым самолетом показался еще один, а за ним еще и еще, и еще... Они плыли по небу, как лавина, от которой не было спасения, вскоре заполонив весь небосвод от края до края, куда хватало взгляда. Моторы надрывно гудели, а самолеты шли мелко покачивая крыльями в знак приветствия.

– Бомбить едут... – кивнул Колька, сжав губы от злости.

– На город пошли! – кивнул Полухин, злобно прищурившись, а потом земля вдруг встала на дыбы, поменявшись местами с небом, взлетев высоко вверх. Оглушительно бахнуло в стороне деревни, потом снова и еще, и еще. Застрочил пулемет. Кто-то отчаянно запричитал.

– Бежим! – Ваську дернули за руку и потянули прочь. Ссора была забыта. Короткими перебежками вся троица исчезла за кустами.

– Ба-бабах! – радостно оскалился Митюша, хлопнув себя по коленке.

– Сиди уж, дурень! – отмахнулся от него Колька, ужом скользнув в кусты.

– Коль! – позвала его напуганная бомбежкой Шурка.

– Глянь-ка, Шур! – позвал ее из кустов брат. – Ты только посмотри!

Обдирая коленки о ребристые камни, девчонка подползла к брату. Из их импровизированного укрытия была хорошо видна дорога к центру села. По дороге, сыто урча мощным двигателем, катил немецкий танк. Противно лязгали гусеницы. В башне, высунувшись наполовину, торчал самый настоящий фашист в черной пилотке и запыленной гимнастерке. Он скалился своими белыми зубами, мерно покачиваясь в такт ухабам. Позади танка ехало несколько доверху забитых солдатами бронетранспортеров, грюкала подцепленная длинноствольная пушка, за ней еще одна и еще. Широкой цепью, посматривая по сторонам, шли автоматчики. Из штабного автомобиля с установленным на крыше громкоговорителем слышалась бравурная мелодия, наподобие какого-то марша.

– Это ж немцы! – прошептала брата Шурка, вытирая покотившиеся по щекам слезы.

– Немцы, Сань... Фашисты...

Позади них раздался шелест листвы и на пригорок выбрался Митюша.

– Солдаты! – тыкнул он пальцем в сторону дороги. – Ура!

Колька не успел закрыть ему рот ладонью. Ближайший к ним фашист резко развернулся в их сторону, внимательно прислушиваясь.

– Тихо ты! – ругнулся на него Коля.

Косая автоматная очередь прошла намного выше того места, где они лежали. Пули с легким чмоканием впивались в толстую кору деревьев, срывая нижние листочки.

– Ахтунг! – прокричал незнакомое слово немец и выпустил еще одну очередь. Кусты затрещали под напором свинцовых пуль. Шурка укрылась вместе с братом за небольшим камнем, оттуда наблюдая за немцами.

– Ба-бах! – снова проговорил Митюша, взглядывая из-за кустов, но Колька дернул его назад, стянув вниз.

– Сиди тут!– строго приказал он дурачку, поглаживая того по голове. – Скоро мы вернемся назад и принесем тебе сахара. Понял!

Митька закивал, ослабив рот счастливой улыбкой, а брат с сестрой медленно стали продвигаться вслед за немецкой колонной, въезжающей в деревню. На пол пути к сельсовету из-за угла раздался одиночный ружейный выстрел. Немец в танке неожиданно покачнулся, схватился за сердце и повалился вниз, уткнувшись лицом в броню. Громкое тарахтенье автоматных очередей раздалось в ответ. Разлетелись окна в угловом доме бабки Степаниды. Из дверей выпрыгнул ее сын и рванул через огород к «березке».

– Стоять!– с легким акцентом прокричал ему офицер, вылезший из штабной машины с громкоговорителем.

– Убьет...– прошептала перепуганная до смерти Шурка на ухо своему брату, тесно прижавшись к нему всем своим тщедушным тельцем.

– Далеко!– отмахнулся от нее Николай, прикусив нижнюю губу, наблюдая за действиями немецкого офицера. Тот достал из кобуры пистолет и медленно прицелился. Колька даже отсюда видел его прищуренные глаза, напряженное лицо, запотевший монокль, вставленный в один глаз.

Кто-то не выдержал из женщин и запричитал вместе с выстрелом, прозвучавшим оглушительно громко в наступившей тишине. Сын бабки Степаниды на секунду замер, словно споткнувшись, широко раскинув руки в сторону, покачнулся и рухнул на землю.

– Свят! Свят! Свят!– перекрестился дед Матвей, которого немецкое вторжение застало сидящим на лавочке перед домом.

– Отличный выстрел, господин комендант!– похвалил на чистом немецком языке своего начальника адъютант, но как ни странно, Колька, не знавший немецкого все отлично понял. Слишком уже самодовольные рожи были у обоих.

– Граждане! – офицер повернулся к начинающей собираться на площади перед сельсоветом толпе. В нее, ловко лавируя между селянами, затесались, и Шурка с Колей. На противоположном конце площади, у старого ясеня, они рассмотрели деда Федьку, который незаметно показал им кулак, нахмурив густые кустистые брови. Рядом с дедом, опиравшимся на сучковатую палку, стояла и их мать Акулина Васильевна, вытиравшая уголком цветастой шали текущие по полноватым щекам слезы. – Граждане! Немецкое командование сообщает вам о том, что оно наконец-то освободило вас от рабской и нищенской политики управления Советов! – вокруг немца уже образовался большой полукруг деревенских, в основном стариков и женщин, а так же ребятишек, которые с интересом рассматривали замершую перед площадью технику.– Отныне и навсегда ваши колхозы упраздняются! В селе устанавливается немецкое управление и администрация,– слова немец подбирал с трудом, коверкая их почти до неузнаваемости, поминутно протирая то и дело запотевающий от жары монокль. Местные слушали его внимательно, напрочь забыв о только что застреленном сыне Степаниды. Только бабка, стоявшая на коленях перед мертвым сыном, тихо подвывала что-то себе под нос, оставшись со своим горем один на один. Шурка несколько раз оборачивалась в ее сторону, жалостливо шмыгая сопливым носом.

– Тихо ты!– цыкал на нее Колька, внимательно слушавший офицера.

– Я – новый комендант вашего района! Меня зовут Эрлих Бааде.

Что-то позади всех загремело. Колька резко обернулся назад и увидел, что со здания сельсовета крепкого вида солдат в немецкой форме сорвал красное знамя, а вместо него вывесил фашистскую свастику. Народ неодобрительно загудел.

– Теперь вы находитесь под немецкой юрисдикцией,– пояснил Бааде, расхаживая по кругу, заложив руки назад. В его правой руке Колька сумел разглядеть небольшой стек, которым тот похлопывал себя по спине,– а знамя советов...

Солдат, подчиняясь кивку коменданта, начал топтать красное полотнище, подняв тучу пыли.

– Скоро у вас откроется немецкая школа, церковь. Многие из вас уедут в рейх, чтобы служить и работать на благо Великой Германии, – Бааде сделал паузу, словно ожидал аплодисментов. Народ молчал, напряженно хмурясь, пытаясь угадать, чего ждать от новой власти. Во время Гражданской войны их село часто переходило из рук в руки. То белые зайдут, то красные, только легче ни от тех, ни от других отчего-то не становилось. Первые придут – грабят, вторые едут – грабят... Теперь немцы...

– Мне нужен будет помощник, который станет моими глазами и ушами в вашей деревне. К нему вы можете придти с любым вопросом, любым предложением... – Бааде внимательно оглядел толпу, провожая взглядом каждого.

– Ты! – указал он вдруг стеклом на Васькиного отца. – Ком...ком...

– Я? – растерялся Полухин-старший, нелепо улыбнувшись. – А что я-то... сразу? Я вообще...

– Ком! – нетерпеливо махнул ему стеклом Бааде, рассматривая его в монокль, как энтомолог изучает попавшееся ему редкое насекомое. – Не бойся, товарищ!

Полухина подтолкнули сзади автоматом в спину. Он споткнулся, пошатываясь, подошел к коменданту.

– Я...

– Ты, товарищ! – указал тонким пальцем на него Бааде. – ты будешь бургомистром!

– Нет... – выдавил из себя жалкую просящую улыбку Полухин. – Я не могу... У меня здоровье не то... Тут силы нужны! Характер... Господин Комендант!

– Ты! – ткнул ему в грудь пальцем Бааде.

– Прошу вас...

– Хорошо! – улыбнулся ему комендант, отходя в сторону. – Я пойду вам навстречу, и не буду назначать на должность бургомистра...

– Спасибо, герр комендант! – выдохнул облегченно Полухин, переводя дух. – Век не забуду!

– Я вас расстреляю, товарищ! – неожиданно спокойно сообщил Бааде с безразличным выражением лица. – Фаер!

Автоматчики, стоящие позади офицера, будто того и ждали. Защелкали предохранителями, взвели курки, направив сразу несколько автоматов на Василия.

– Да как же это... Герр комендант?! – воскликнул Полухин, пятясь назад. В его глазах Шурка с ужасом рассмотрела страх, плескающийся в зрачках, готовый выплеснуться наружу, подобно огромной волне. Еще никогда она в своей коротенькой жизни не видела, чтобы так чего-то боялись. – Герр... Да что же... Люди добрые!

– Айн! Цвай! – сухо вел отсчет Бааде.

– Господи помоги! – прошептала, стоявшая рядом бабка Марфа, закрывая глаза кончиком платка.

– Драй!

– Стойте! – закричал Васька, падая на колени прямо в серую дорожную пыль, где только что топтали красное знамя. – Стойте!

– Никто не имеет право оспаривать решение коменданта! – нравоучительно проговорил Бааде, помахивая легкомысленно стеклом. – С сегодняшнего дня вы назначаетесь бургомистром этой деревни! Вам ясно?

– Ясно! Ясно, герр комендант! – торопливо заверил его Полухин, вставая с колен. Губы его тряслись в унисон с руками, которые ходили ходуном, когда он жал руку Бааде. После рукопожатия комендант достал белый платочек и безразлично вытер ладонь.

– Идите, займите свое рабочее место!– он кивнул на здание сельсовета, украшенное теперь свастикой.

– Да-да! Сейчас же, герр комендант!– Васька торопливо потрусил ко входу в сельсовет, изредка оглядываясь назад, будто не веря, что чудом только что избежал смерти, и Бааде не отдаст приказ пальнуть ему в спину.

– Пусть это будет для вас небольшим уроком, товарищи!– улыбнулся комендант, присаживаясь в штабной автомобиль. Снова заиграл бравурный марш. Запел какой-то немецкий хор. Колонна снова пришла в движение, направляясь к выезду из села.

Толпа медленно и растерянно начала расходиться по сторонам. Не было слышно никаких разговоров, если и говорили, то говорили шепотом, чтоб никто не расслышал, вспоминая, как обошлись с сыном бабки Степаниды. У каждого в душе остался неприятный осадок и звенящее предчувствие чего-то плохого.

– Вот ядрена Матрена!– ругнулся дед Матвей на своей покосившейся лавочке перед домом, попыхивая самосадам.– Под белыми жили, под красными жили, под немцем не было такого!

– Я б этого немца!– зло проговорил Колька, сжав кулаки.– Своими руками задушил бы... Как они сына Степаниды-то, а, Шурка?– он повернулся к сестре, но вместо сестры увидел деда Федьку, стоявшего рядом с приготовленной в руках палкой. Сашка жалась к ногам матери, испуганно всхлипывая.

– А я вот такому герою сейчас, как дам! Как дам!– разошелся дед, хватая Николая за ухо. – Как выдеру, чтоб знал наперед... Тебя, стервец этакий, Митька нашел?– спросил он, больно выкручивая ухо.

– Нашел, дедуля! Нашел!– прокричал Колька, извиваясь всем телом, в крепких руках деда.– Ой, больно-то как!

– Чего передал, а?– ехидно уточнил Федька, накручивая уже алое ухо внуку.

– Передал, чтоб домой спешили. Мамка зовет!

– А ты что, послушался али как?– мучил его дед.

– Мы только собирались, а тут немцы из-за речки! Стрелять по нам, мы в кусты и утекать! Пока дошли, пока...

– Я тебе покажу, как старших не слушать, гадость ты маленькая!– ухо все-таки вывернулось из крепкого дедова захвата, и Колька, что есть силы, рванул через плетень, огородами домой, зная, что строгий, но справедливый дед пока дойдет, следом уже утратит свой запал, считая наказание исполненным.

– Стервец, да и только!– покивал головой укоризненно дед, вслед Николаю, пятки которого засверкали уже в районе тока.– Совсем распустился без отцовского пригляда, глядишь, и эта такая растет!– замахнулся он шутливо на Шурку, которая тут же юркнула за широкие бедра матери.– Бандит, ей богу бандит!

Акулина вяло улыбнулась, вспомнив о муже, которого в марте проводила на фронт. Письма от него доходили редко, а сердце болело, ныло, истомленное в разлуке. И только она знала, как каждую ночь ревела в подушку, молясь на старые образа, спрятанные по углам от бдительного ока главы сельсовета, чтобы остался жив, пусть пораненный, хоть какой, лишь бы живой!

«Резерв ставки...»

3

Март 1942

Переполненная станция, на которой стоял их состав, встретила призывников надрывными гудками отправляющихся паровозов, шумом колесных пар и едким запахом сгоревшего угля. На каждом из путей толпились люди. Слышался незнакомый говор, толпились люди. Откуда-то с начала перрона зазвучал надрывный женский плач. Эвакуированные, военные, беженцы – все замерли в ожидании дальнейшей дороги. Кому на запад, кому на восток, а кому и в самое пекло войны, где не считаясь с потерями пытались остановить немца.

Куцая телогрейка не грела. Петр поправил шапку и повернулся к жене, закутанную в теплую шаль и дедов тулуп, завистливо вздохнул, поглаживая ее по плечу. В этом году весна выдалась поздняя. К концу марта только стаял последний снег, оставив после себя расхлябанные, разбитые сотнями машин и телег дороги, сырой ветер, полосовавший лицо не хуже хлесткого кнута и постоянное ощущение сквозняка.

– Ну, будет тебе, Акуля... – он попытался улыбнуться, ободрить, обнять, но все в этот момент выходило как-то неловко и фальшиво, словно между ними, мужем и женой, с момента получения повестки на фронт пролегла невидимая борозда, разделившая их жизнь пополам. Акулина улыбнулась, затопталась на месте, понимая его состояние, испытывая нечто похожее в душе.

– Да, да... Ты береги себя там! – произнесла она, понимая, что говорит ерунду, что надо побежать, обнять, поцеловать, насладиться их встречей, ощущая, что она может быть последней, но что-то внутри нее, какая-то беспочвенная надежда останавливала.

– Детей не балуй! – наказал Петр, посматривая на закрытый сигнал семафора.

– Да куда уж баловать... Война ведь... – согласилась Акулина, чувствуя неловкость за свою излишнюю холодность.

– Подерягин! – окликнули его из забитой солдатами до отказа теплушки. В дверях виднелась чубатая голова лейтенанта Прохора Зубова – совсем молоденького парнишки, только что окончившего пехотные курсы и сразу же посланного за пополнением для вновь формирующейся где-то под Вологдой 100-й стрелковой дивизии Резерва Ставки. – Прощание закончить! Отбываем! – прокричал лейтенант, махая ему рукой.

Петр затоптался на месте вместе с Акулиной, улыбнулись друг другу, ожидая, что кто-то из них сделает первый шаг. В чуть раскосых черных, как смоль, глазах жены стояли слезы. В сердце мужчины противно заныло, но они так же стояли и смотрели друг на друга в немом ожидании чего-то непонятного, какого-то толчка, который раскроет их души навстречу, сломав защитную скорлупу, надетую каждым из них, дабы не было так больно расставаться.

– Ну, пора! – проговорил он, разворачиваясь к теплушке, широким шагом пересекая узкий перрон. Паровоз уже дал прощальный гудок к отправлению, и вагоны с противным лязгом натянулись на автосцепке.

– Петя! – закричал вдруг Акулина, бросаясь за ним, будто только сейчас поверила в то, что провожает мужа на фронт. – Петя! Петька!

Она побежала за ним, путаясь в длинной юбке, бросилась к нему в объятия. Ощущая его запах, ставший родным, его колкую щетину на обветренном подбородке, целуя родное и такое любимое лицо короткими нежными поцелуями, чувствуя его крепкие, загрубевшие от тяжелой деревенской работы ладони у себя на плечах.

– Прости! Возвращайся скорей! Прошу! Умоляю! Возвращайся! – просила она, утыкаясь холодными губами ему в щеки.

– Подерягин! – эшелон медленно тронулся с места, проплывая мимо заполненного провожающими перрона, зазвучала откуда-то браваурная музыка, но ее, как и криков Зубова, Петр

не слышал. Он впился губами в мягкие податливые губы жены, наслаждаясь их пряным вкусом, нежностью. Голова кружилась от сладкого ощущения счастья и горя. Эти два чувства одновременно переполняли его, заставляя сердце трепетать от непередаваемой любви, испытанной впервые так ярко и отчетливо.

– Подерягин!– вагон с лейтенантом проскакивал, как раз напротив них. Зубов наполовину высунулся наружу и отчаянно махал ему рукой, призывая вернуться.

– Мне пора...– прошептал Петр жене, поглаживая ее плечи.

– Петя...

– Пора!– он оторвался от нее, будто бросаясь в омут. Побежал за набирающим скорость эшелон, стараясь не слушать и не слышать отчаянного крика жены, догоняющего его в спину. С головы Зубова слетела фуражка, на ходу Петр ее подобрал, ухватился за поручень, вталкивая себя в теплушку, набитую людьми, остро пахнущую человеческим потом, дымом самокруток и горящих дров.

– Ну...Подерягин!– стараясь казаться строгим начальником, проговорил ему Зубов, одевая на голову поданную фуражку.

– Виноват, товарищ лейтенант!– лихо вытянулся Петр, поддерживая паренька.

– Иди, погрейся!– благосклонно кивнул Зубов, указывая на освободившееся место подле буржуйки, где ласково и по-домашнему потрескивали дрова. – Наверное, застыл на холоде.

Петр кивнул, проходя среди нескольких десятков сонных, одуревших от постоянной езды тел, лежавших вповалку прямо на дощатом полу, укрытым душистым сеном. Где-то позади него, кто-то беседовал, рассуждая о том, что после Москвы Гитлер не оправится, и их формируют, чтобы гнать супостата до самой границы. Чей-то охрипший болезненно-простуженный голос ему возражал. Они спорили, мешая дремать.

Возле буржуйки было тепло. Петр протянул к ней озябшие пальцы, ставшие колом на ледяном ветру, наслаждаясь мягким золотистым свечением пламени за чугунной задвижкой, вспоминая жадные целующие губы Акулины, ее прощальный взгляд черных глаз, в которые он когда-то влюбился окончательно и бесповоротно.

Да...Тогда тоже был март, когда он впервые увидел стройную статную девушку, идущую по проулку, где стояла их мельница.

– Чего застыл?– грубовато окликнул его отец, подталкивая в плечо. Выглянул в узкое чердачное окно и неодобрительно хмыкнул, покачав седой головой.– Герасимовых девка! Бесприданница...

Для богатых и зажиточных крестьян Подерягиных она была явно не парой для их сына. От того и бил нещадно Петьку отец, когда он ночами бегал к ней на улицу, а потом ходил сонный до одури по мельнице, сталкиваясь с деревянными притолками, словно слепой, а то задремывал где-то в углу, просыпаясь от доброго отцовского пинка.

– Куришь?– над головой раздался чей-то звонкий голос. Петр медленно повернулся, возвращаясь из терпкого плена своих воспоминаний. Рядом с ним усаживался молодой парень, лет тридцати, достающий кисет из нагрудного кармана вылинявшей гимнастерки.

– Курю!– кивнул Петр, освобождая ему место перед буржуйкой. Пальцы отогрелись, разливая по телу приятное тепло.

– Угощайся!– парень протянул ему полный кисет, пахнущего кислым табака. Закурили, пуская сизый дым вверх, где уже под потолком плавало серое облако от десятка курящих.– Меня Гришка зовут!– протянул он мозолистую крепкую руку, которую Петр с удовольствием пожал. – Табак домашний! Ты не бойся...– похвастался он, делая первую затяжку.– Батя сам собирал по лету! Так и сказал, служи сынок, да вспоминай за что служишь... А сам я с Оскола. Знаешь такой город?

Петр кивнул, в пол уха прислушиваясь к болтовне Гришки, думая о своем, пытаясь прогнать из головы образ жены, оставшейся на промозглом перроне.

– Говорят, в Вологду гонят! Там целая дивизия формироваться будет, – болтал Григорий, не умолкая. – Пополнение на фронт! Мы теперь сам резерв Ставки будем! Самого Сталина! Слышишь меня или нет? Петь? Слышишь! Петр! Подерягин, ёшкин кот!

Кто-то тряс его за плечо, но вырваться из теплого плена буржуйки было очень трудно. Петр открыл глаза, с трудом вспоминая где он, разрывая вязкую сонную одурь.

Узкий, плохо протопленный барак с длинными щелями в неплотно пригнанных стенах, сквозь которые слабо пробивались первые солнечные лучи. Ряды грубо сбитых нар по краям и земляной пол, от которого постоянно тянуло сыростью. На нарах, прижавшись плотнее друг другу, чтобы подольше сохранить тепло, спят такие же, как он, солдаты 100-ой стрелковой дивизии. Буржуйка, за которой он был поставлен следить – давно потухла. Лишь в самом ее углу, красноватым свечением тлеги маленькие красные угольки.

– Ну, и здоров же ты спать! – покивал головой, стоящий над ним друг и товарищ Гришка Табакин.

С трудом, понимая. Где он находится, Петр потер глаза, вставая с нар. Только сейчас до него начала доходить мысль, что и прощание на вокзале с Акулиной, и знакомство с Табакиным ему приснились.

– Который час? – спросил Петр, шаря по земляному полу в поисках автомата.

– Светает! Твоя смена заступать в караул.

– Сейчас!

Выходить в сырость не хотелось. От мысли, что его ждет на улице, где еще лежал снег, выперемешку с липкой грязью, тело пробил крупная дрожь.

– Все нормально? – уточнил он, надевая на плечо автомат.

– Только холодно, – рассмеялся Гришка, усаживаясь на его место, – погода такая, что хороший хозяин собаку не выгонит.

– Служба... – протянул Петр, покидая натоленный барак.

В грудь ударил ледяной ветер, пытаясь повалить с ног. Телогрейка не спасала. По груди забегали мурашки. Кирзовые сапоги провалились в грязную мутную жижу, поверх которой плавали комья сырого серого снега. В портянках захлюпало. Тяжело ступая, борясь с налипающей на обувь глиной, Петр вышел к невысокому деревянному забору, туго обтянутому колючей проволокой.

Полевой лагерь 100-й стрелковой дивизии был расположен в угрюмом густом лесу недалеко от самой Вологды, недалеко от Кубинского озера. По правую сторону от него возвышались узкие пологие холмы, чем-то напоминающие Петру его родные меловые. Он помнил, как совсем еще маленькими детьми, они с друзьями бегали собирать малину под Масловку, где белыми глубокими промоинами, поросшие жиденькими соснами, их встречали, как им тогда казалось, самые настоящие горы.

На посту было тихо и спокойно. Ветер начинал стихать. Холодная оторопь, какая бывает, когда выходишь из тепла на улицу, поутихла. Подерягин размялся, легкими движениями рук, разгоняя тепло по телу.

Прямо перед ним сплошная стена, казавшегося в предрассветных сумерках черным, леса. Чуть левее узенькая тропинка, по которой солдаты их части ходили в деревню за домашним молоком и женским вниманием.

Надо бы письмо домой написать... Подумалось Петру, и он тут же решил. Что едва смелится, то непременно возьмется за это дело. Мысль о доме согрела, и мелкая белая крупа, то и дело сыпавшаяся с неба, уже не мешала.

– Рядовой Подерягин! – лейтенант Зубов показался откуда-то из-за спины. От холода его неприкрытые фуражкой по-юношески оттопыренные уши покраснели, нос стал сизым, а губы едва шевелились. Если солдатская телогрейка не спасала от пронизывающего ветра, то тоненькая шинелька и подавно. Полы ее были вымазаны грязью, а на сапоги налипла кусками глина.

– Я, товарищ лейтенант!– Петр попытался встать «смирно», но у него это плохо получилось.

– Заступил на пост?– дую на замерзшие пальцы, зачем-то уточнил Прохор.

– Так точно, товарищ...

– Ладно-ладно! Не кричи уж... Побудим всех...– лейтенант оглянулся на барак, сквозь щели в котором парило теплом и виднелся свет буржуйки с придремавшим возле нее Табакиным.– Тут дело такое, Петр Федорович...– замялся Прохор.– ЧП в городе случилось... Меня, только что вызывал комдив и рассказал. Из Вологодского СИЗО сбежали двое опасных рецидивистов, возможно уже вооружены. Так как у нас оружие и все такое... Надо б поглядывать!– то ли приказал, то попросил со значением Зубов, у которого совсем не просто складывались отношения с личным составом, многие мужчины из которого годились ему в отцы.

– Есть поглядывать!– кивнул Петр.– Вы б пошли погреться,– кивнул Подерягин на барак, наблюдая как неловкими замерзшими до крайности пальцами лейтенант пытается раскурить папиросу.

– Да, да...– согласился Зубов.– Пожалуй, пойду, подремлю. Скоро на фронт...– зачем-то вспомнил он, уходя в барак, гордо носящий звание казармы. Подерягин снова остался один. От нечего делать решил пройтись вдоль забора, мысленно начав писать письмо домой. Что он расскажет жене? О том, что формируют их в поле? Кормят сухпайком? И постоянно холодно? Или то, что скоро на фронт? Что командир у них хороший?

Петр повернулся назад, снова посмотрев на сгорбленную спину молодого лейтенанта, который обивал сапоги на пороге дощатого сарая. Нет... Он не напишет ей об этом. Не напишет о вшах, смертным поедом съедающих тебя настолько сильно, что ты не можешь неделями заснуть. Нет... Он напишет, что у него все хорошо! Спросит о сыне и дочке, ворчит ли дед Федька? И далеко от них немцы? Каков урожай? И живы – здоровы их многочисленные родственники? Он не напишет о своих бедах и лишениях, пусть Акуля не волнуется...

– Эй, служивый!– хриплый прокуренный голос окликнул его в тот момент, когда он уже заканчивал обход территории, борясь с навалившимся сном. Резко сдернув автомат с плеча, Петр направил его в сторону кустов, откуда ему послышался голос.

– Тормози, братан!– из-за толстой корабельной сосны на полянку перед колючей проволокой вышел мужик в черном ватном бушлате и шапке ушанке с опущенными ушами. Сквозь гнилые желтые зубы, он, лениво поплеывая, шел к нему, засунув руки в карманы.

– Стой стрелять буду!– угрожающе спокойно произнес Петр, передернув затвор ППШ, направив его прямо в грудь ээку, идущему на него.

– Да, не кипишуй ты!– из-за спины первого урки вышел еще один, пониже ростом и шире в плечах. Сквозь неплотно застегнутый ворот телогрейки виднелась густо татуированная кожа.– Мы ж без зла...закурить дай!

– Не курю!– коротко бросил Петр, почему не поднимая тревогу. Что-то его останавливало, что-то внутри, какая-то внутренняя нерешительность, словно он действительно верил в их добрые и вполне естественные намерения.– Стоять!– снова прокричал он, решив, что если ээк приблизится к проволоке еще на пару шагов, то придется стрелять.

– Стою, братан!– поднял руки вверх первый, усмехаясь беззубой улыбкой.

– Мы ж по-хорошему... Курить охота – сил нет!– теперь вперед выступил невысокий, чуть обогнув первого.

– Не курю!– палец Петра на курке задрожал. Он никогда не стрелял раньше в людей, никогда не убивал, оторопь брала от этого ощущения превосходства.

– Так хоть подкурить бы... Пару спичек...

– Сказал, не курю!– отрезал Петр.

– Ах ты, сука ментовская!– второй ринулся из-за спины напарника с быстротой молнии. В предрассветном густом тумане, клубящемся у влажной земли, мелькнуло острое жало финки,

которое Подерягин еле успел заметить. Палец на спусковом крючке автомата непроизвольно дернулся, нажимая на спуск. Короткая каркающая очередь прорезала сумерки яркой прерывистой лентой. Петр увидел, как тугие пули разрывают телогрейку на груди бросившегося на него зэка, как второй хватается за шею, как кровь хлещет из порезанной шальной пулей простреленной шеи.

– Сука...– прошипел первый, падая на землю у самой колючки. Отверстия на черном бушлате на спине еще дымились.

– Подерягин!– на крыльцо, спешно набрасывая шинель, одновременно доставая из-за пояса пистолет, выбегал лейтенант Зубов. Следом за ним, громко топоча коваными сапогами, выскакивали остальные из его роты, уже вооруженные и готовые ко всему. Петр устало закинул автомат за спину, выпрямился, стараясь не глядеть на только что застреленных им людей.

Проход Зубов вместе с Табаркиным прибежали первые. Один бросился к колючке, а второй ободряюще похлопал друга по плечу, проверяя, цел ли?

– Это что такое?– осмотрев лежащие тела, уточнил лейтенант.

– Зэки!– коротко ответил Петр.– Пришли, попросили закурить...Потом кинулись на меня, я стрелять. Вот...

– Ты что с ними разговаривал?– от удивления глаза лейтенанта испуганно расширились.

– А что ж в них сразу стрелять надо было? Люди все-таки... какие-никакие,– пожал плечами Петр, поправляя оружие.

– Сначала надо было сделать предупредительный выстрел, рядовой! Согласно устава...– за спиной столпившихся солдат из разведроты появился особист дивизии в кожаном до пят плаще фуражке с синим околышем. Он легко перепрыгнул колючку, присел рядом с трупом. Перевернул его на спину, прощупав пульс.

– Оба наповал!– сообщил он, обыскивая карманы зэков.

– Знатный ты стрелок, Петр Федорович, – рассмеялся Табакин, но тут же осекся, заметив строгий взгляд особиста.

– Кажется наши бегунцы...– майор Тополь брезгливо отряхнул руки, встав с колен.– Тот местная милиция будет рада! Одной головной болью меньше...

– Лейтенант Зубов, рапорт о случившемся мне и командиру дивизии на стол. Подерягина с караула сменить...

– Есть сменить...– хмуро кивнул Зубов, покусывая нижнюю губу, уперев взгляд в раскисшую землю.

– До выяснения всех обстоятельств рядового поместить на гауптвахту.

– Есть поместить!– Проход вяло протянул руку Петру, забирая автомат.

– Да что же это такое творится?!– возмутился Табакин.– Солдат на посту защищался, застрелил двух бандитов, а ему вместо медали на грудь, еще в «холодную» запихнули! Братцы! Где справедливость-то?

Но никто его уже не слушал. Четверо из их роты полезли за телами убитых зэков, а двое, следуя приказам лейтенанта Зубова, повели Петра к старому дощатому сараю, выполнявшему в части функции гауптвахты.

– Братцы. Как же это...– растерялся Гришка, но ответом ему было лишь надрывное карканье воронья, уже закружившегося над лежащими трупами.

« В оккупации »

4

Май 1942

После всех событий, произошедших после того, как немцы вошли в город и их деревню сельчане долго не могли успокоиться. То там, то здесь возникали группки людей, которые живо обсуждали события, произошедшие на площади перед сельсоветом. Кто-то осуждал сына Степаниды, намекая на то, что погиб зазя, кто-то наоборот восхищался его мужеством. Ведь он один, по сути, сумел противопоставить себя всем немецким солдатам вместе взятым.

Колька, наведя порядок в сараях, вместе с дедом Федором отремонтировал конскую сбрую – наступал период полевых работ, а теперь сидел на завалинке вместе с Шуркой, мастера ей свистульку из глины. Акулина готовила вечерять, а дед Федька сидел рядом, о чем-то задумавшись.

Солнце медленно и неуклонно садилось за горизонт, оставляя после себя на небе размытые ярко розовые волны.

– Завтра ветрено будет... – произнес дед, закуривая ароматный табачок, набив его в самодельную узкую трубку, вырезанную из осины.

– Дед, а дед... – позвал его Коля, отвлекшись. – А немцы к нам надолго?

– Не знаю, внучек, мабуть может навсегда, – с горечью в голосе произнес старик, выдыхая терпкий дым вверх аккуратными круглыми колечками.

– А дядька Васька теперь за них? – спросила Шурочка, наблюдая за братом, нетерпеливо ерзая на месте, желая тут же опробовать новую игрушку.

– За них... – вздохнул дед Федор.

– Значит он враг народа? – невинно поинтересовалась Сашка, даже не представляя, что это слово может значить.

– Цыц, егоза! – прикрикнул на нее старик. – От горшка два вершка и туда же... Политику обсуждать. Свой он... Наш деревенский! Сама видела. Как комендант этот поступил. У Полушина и выбора-то не было! Помирать никому не хочется. Тем более так по-глупому...

– По глупому это конечно... – через невысокий, в половину человеческого роста плетень к ним во двор заглянул лысый мужчина слет сорока, через все его лицо шел широкий, плохо зашитый в свое время, шрам от сабельного удара. Одет он был в кургузый пиджак, почти новую железнодорожную фуражку со споротым околышем. Неизвестный приветливо улыбался, ожидая реакции деда Федора.

– Закурить-то не раздолжишься, отец? – с усмешкой попросил он, лихо поправив фуражку на затылок.

– А ты кто будешь, мил человек? – настороженно уточнил дед Федька, перехватив поудобнее костыль, с которым постоянно ходил, не расставаясь, еще со времен Гражданской войны, когда в одном из боев ему прострелили коленный сустав, оставив на всю жизнь почти инвалидом.

– Калика перехожий... Тут хожу, там смотрю... Авось, счастье найду! – туманно ответил мужчина, подходя к калитке. – Так что насчет табачку? Впустишь? Неудобно как-то на улице разговаривать...

– Отчего не впустить? Заходи... – пригласил дед, доставая вышитый узорами кисет, подаренный Акулиной сразу после ее свадьбы с Петром, чтобы хоть как-то умаслить слишком уж серьезного и несговорчивого тестя.

Колька и Шурка на завалинке замерли, чутко прислушиваясь к разговору взрослых. Им в силу их возраста все было интересно и до всего было дело.

– Так кто ты будешь? – отсыпав на подставленную бумажку чуть-чуть табачка, снова спросил дед, вытряхивая пепел из своей трубки, стуча ее о раненную коленку.

– Местный я, отец, местный. Селивановский я. Живу недалече... – быстро и ловко скрутив самокрутку, мужик задымил, закашлялся тяжело и надрывно. – А табачок-то у тебя знатный... Горло продрало, даже в глазах защипало.

– Другого не держим! – довольный, что угодил рассмеялся дед Федор.

– Так что ты тут ищешь? – спросил он, разом посерьезнев. – Ходишь, бродишь... Аль, только за табачком зашел из самого Селиваново.

– Да нет, отец... – мужчина резко и быстро огляделся по сторонам, настороженно определив, не слушает ли их кто-то. – Хочу про немцев узнать... Сколько их? Где квартируют? Не подскажешь ли? – голос неизвестного пришельца снизился до шепота. Он воровато огляделся, низко наклонив к деду Федьку свою лысую голову. Колька с Шуркой придвинулись поближе, заинтересованно затихнув.

– А что ж в Селиваново-то немцев нет? – вопросом на вопрос ответил дед Федька. Он прекрасно помнил те времена, когда вот таким же образом действовали провокаторы. Ты им расскажешь про то, какая власть плохая, что в колхозы насильно заставляют вступать, что мельницу отобрали, которую своими руками вместе с сыном ни один год строил, а потом приезжает воронок, и вежливый товарищ в форме с синими погонами предлагает проехать в особый отдел на беседу. Уж сколько раз так возили деда, он уже и не помнил. Не мог он простить советам, что из пусть и захудалого дворянина с небольшим поместьем в Нижегородской области, офицерским чином, он превратился сначала в обычного крестьянина со своей ветряной мельницей – единственной на всю округу, а потом и того лишился, став пастухом колхозного стада под давлением органов. Только это его и спасло от расстрела. А вот бабка Валентина Михайловна таких испытаний не выдержала, преставилась, как только мельницу отобрали, не смогла пережить такого самоуправства.

– Отчего же нет... – пожал плечами, прищурившись, лысый мужик. – Есть, конечно!

– Значит, не такие, как здесь? – насмешливо спросил дед Федька.

– Такие...

– Тогда чего ты мне, мил человек голову морочишь, ума пытаешь? Селивановский он... Знаем мы таких селивановских! Они после революции... – кулаки деда плотно сжались и побелели от злости.

Колька с сестрой, зная, что деда в таком состоянии лучше не трогать, быстренько сбежали в хату, плотно прикрыв за собой дверь. Акулина стряпала возле плиты, поминутно вытирая пот, текущий рекой от жара, который давала раскаленная до красна лежанка.

– Знаем мы таких! Иди вон со двора! Пока я тебя этим костылем не обиходил, как следует! – все больше распалялся дед. – Табачку ему! Ишь!

Его пламенную и яркую речь прервал выстрел, прозвучавший неожиданно и резко, словно материя треснула на платье пополам. Дети моментально бросились на улицу, сделав вид, что не расслышали предупреждение матери, доносящееся им в след.

Дед Федька уже стоял возле плетня, выглядывая на узкую улицу, поросшую с обеих сторон бурьяном. Рядом, чуть поодаль держался лысый мужик.

Возле дома Окуловых стоял мотоцикл с коляской. Возле него трое солдат в серо-зеленой немецкой форме. У одного из них на длинном поводке держалась собака, отчаянно залаявшая при излишне громком выстреле.

– Выходи, гад! – двери избы Окуловых распахнулись от тяжелого крепкого пинка. Через порог, кубарем, не удержавшись на ногах, полетел их младший сын. Голова разбита. Из нее течет кровь, заливая глаза. Позади них заревела в голос бабка Нинка, схватившись за голову. Следом за ней вышли Василий Полухин и какой-то офицер. В руках офицера был автомат, которым он напряженно водил из стороны в сторону, вот-вот готовый нажать на спуск.

– Да что же это делается, господи... – прорыдала бабка Нинка, бросаясь к сыну, но бургомистр сурово отстранил ее. Отшвырнув к плетню. Сейчас он был непохож на того перепу-

ганного человека, которого селяне видели на площади. Теперь Васька был одет в новенький пиджак, чистую холщовую рубаху-косоворотку и выстиранную кепку. На плече у него висела повязка с надписью «КАПО», а в руках была винтовка, прикладом которой он и рассек лоб сыну Окуловых.

– Эх, ты, ядрена шишка, – ругнулся дед Федька и попытался открыть калитку, чтобы броситься соседям на помощь, но на его плечо легла мускулистая рука лысого, до этого наблюдавшего за этой сценой в полном молчании.

– Не стоит, Федор Алексеевич, – попросил он, – парня уже не спасти, а себя и семью свою погубите! – проговорил он, прикусив от злости нижнюю губу. Колька с Шуркой заметили, что ему самому хотелось вступить за паренька, но чувство осторожности пересилило.

– Да я... Да он... Этот же Васька кум Петра – сына моего! Сволочь немецкая! Он же на коленях просил, не хотел, чтобы его ставили бургомистром! – заревел дед, стучая по плетню своим сучковатым костылем. – Уколов Степан все пытался поймать Ваську на краже колхозного имущества, а теперь мстит, значит...

– Не надо... – неизвестный рассудительный мужчина отодвинул деда подальше от плетня, чтобы его не было заметно с улицы. – Вот, чтобы такие, как ваш Васька Полухин не ушли от наказания. Когда наша власть вернется, я и хочу узнать сколько немцев у вас квартирует, где они располагаются, кто помогает им... Поверьте, никто от наказания не уйдет!

– А ты что же... – отдышался дед Федька. – народный мститель будешь?

– Почти... – оглядевшись по сторонам, лысый полез куда-то в нагрудный карман, долго там шарил, пока не выудил оттуда помятое и потертое удостоверение в красной обложке.

– Грамотный? – уточнил он, подавая его деду.

Федор Алексеевич скосил на него умные глаза и молча взял корочку. Полушепотом медленно прочитал.

– Начальник Валуйского управления НКВД майор Говоров Тарас Павлович... Интересно, ядрена шишка! Что ж твои тебя бросили тут? – усмехнулся он, отдавая удостоверение назад.

– А никто... – начала было Говоров, но его прервал отчаянный крик. Оба мужчины бросились к плетню, за которым сын Окуловых оттолкнул одного из немцев в сторону и побежал по улице, петляя из стороны в сторону, как заяц. Солдат, кажется, это абсолютно не расстроило. Они рассмеялись над своим поднимающимся из пыли товарищем, а потом один из них указал автоматом на Василя. Мол, давай, стреляй, докажи свою преданность. Полухин затоптался на месте, беспомощно оглядываясь по сторонам, будто ища в глазах немцев какую-то поддержку или намек на то, что это все нелепая шутка. У него вовсе не входило в планы убивать своего односельчанина на глазах у всей деревни. Но фашисты были настроены очень серьезно. Один из них подал ему автомат, забрав из рук Василя винтовку. Кивнул на бегущего по улице Степана.

– Ком! Ком! – подбодрил он его кивком головы.

– Не выстрелит... – прошептал Колька, выглядывая из-за плетня.

– Ком! Ком! – улыбка медленно сползала с лица немца, уступая место злости. Еще чуть-чуть и солдат сам расстрелял Василя.

– Сейчас! – мокрая ладошка Шурки поплотнее обхватила руку брата.

Длинная тугая очередь разрешила тишину деревни. Степан Окулов неожиданно споткнулся, замер и кубарем полетел на землю. На его белой рубахе четко были видны пулевые отверстия.

– Гуд! – похвалил побледневшего Василя фашист, забирая у того из трясущихся рук автомат. Видимо, опасаясь, что от избытка переживаний, он может повернуть оружие и против них. Овчарка залаяла, бросаясь на Полухина.

– Сука... – прошептал дед Федор, побелевшими пальцами сжав плетень, так сильно, что толстая перекладина лопнула под его сильными руками.

– Вот таких мы и будем наказывать, – тихо проговорил Говоров, отходя обратно к завалинке. Ему совсем невыгодно было, чтобы кто-то еще заметил его в деревне, – меня не бросили, меня здесь оставили по приказу партии, Федор Алексеевич.

– И в чем же приказ? – спросил дед, присаживаясь рядом. Его старые, но все еще крепкие руки, тряслись от злости. Дрожащими пальцами он набил трубку и глубоко затянулся, закашлявшись. Потом разглядел замерших внуков и закричал, срывая злость на них за свою беспомощность. – А ну, брысь отсюда! Нечего слушать такие разговоры! Малы еще... А туда же... Сейчас, как хворостину возьму. Да как пройду по заднице.

Он сделал вид, что ищет какую-нибудь палку для наказания. Детей, как ветром сдуло с завалинки. Они точно знали, что дед шутить не любит, а если наказывает, то потом недельку-другую сидеть на мягком месте не то, что больно, а практически невозможно.

– И в чем приказ? – повторил свой вопрос дед, удостоверившись, что дверь в хатенку закрыта, и ни Акулина, ни внуки их разговора слышать не могут. Мотоцикл за забором завелся и потарахтел по улице к приемной бургомистра, построенной на месте старой церкви, сожженной сразу после революции коммунистами.

– Не допустить, чтобы такие люди, как ваш Васька Полухин, спаслись от наказания. Собрать отряд и терзать немцев, заставлять бояться собственной тени! – горячо заверил деда Говоров, вытирая с высокого лба крупные капли пота.

– А кем же ты собираешься немцев-то терзать. Мил человек? Их-то поболит будет, чем один взвод! Вчера, говорят, румыны и итальянцы на станцию прибыли. Дивизия «Кассандра», кажется....

– Наш отряд состоит из комсомольцев и коммунистов, оставшихся в городе, чтобы защищать его... Человек пятьдесят уже наберется, – уверенно заявил Говоров.

– Только, что ты ко мне пришел? Стар я уже для того, чтобы по лесам скакать. Да и внуки с невесткой у меня на руках. Нога вот... – он с горечью посмотрел на искалеченную ногу. – Да и не отношусь я партийным-то... Или мое личное дело ты не читал? Кулак, бывший офицер... Контра!

– Потому что читал, того и пришел, – проговорил Тарас Павлович, – на допросах стояли на своем, никого не предали, проявили себя с самой лучшей стороны! А то, что тягали в управление, партия осудила те времена, считая их перегибами. Вон, генерал Рокоссовский, и тот вернулся в армию прямо из лагеря в Кремль. Москву вместе с Жуковым спас. Неужто вы зло затаили, Федор Алексеевич?

Перед глазами старика моментально всплыла серая полутемная влажная камера, с плесенью на стенах, где невозможно было ни сидеть, ни лежать, а только ходить. Постоянные допросы, которые тянулись долгими ночами, ухмыляющиеся глаза молодого следователя, обещающего расстрел... Побои... Выбитые зубы и боль от постоянных истязаний.

– Признавайся, сволочь белогвардейская! – прозвучала в ушах колокольным набатом воспоминание о последней ночи в застенках конторы.

Отобранная мельница и смерть жены... В левом боку неприятно затянуло. Сердце у него начало пошаливать еще с тех самых времен. Слишком ярко, слишком живо – все еще было в не зарубцевавшимся сердце.

– Не затаил... – после долгой паузы произнес дед Федор. Картинки из прошлого сменились вчерашними воспоминаниями. Убийство сына Степаниды, Степки Окулова... Их трупы, валяющиеся в пыли посреди дороги. Боль и ужас, охватившие их семьи, и радостное гоготание немцев, будто они провернули лихую и очень веселую шутку.

– Нет у меня злости на советскую власть! Обида есть! – честно ответил дед Федька. – Злости нет!

– Мне нужен связной, который станет моими глазами и ушами в каждом селе, на каждой улице райцентра. Я хочу знать обо всех передвижениях немцев, обо всех передислокациях румын и итальянцев. Все!

– Много чего хочешь... – коротко бросил дед Федька. – Нашел связного. Калеку...

– Прошу вас! – горячо попросил Говоров.

– Добро! – согласился дед Федька. – Будет тебе связной... А сейчас иди с Богом! Не хватало бы, чтоб тебя кто узнал тут.

Говоров кивнул, подал руку для рукопожатия, но Подерягин – старший сделал вид, что не заметил ее. Отвернулся, заходя в дом. Перекрестился на образа. Оглядел комнату, где кроме лавок и стола с колченогими стульями, да узкого сундука ничего и не было. Колька и Шурка сидели на печи, высунув грязные носы, любопытствуя из-за занавески в красный горошек.

– Кто это был? – спросила Акулина, накрывая на стол, жидкий суп и лепешки из лебеди зеленоватого цвета.

– Знакомый один заходил. Справлялся, как дела у нас... – взяв деревянную ложку, дед Федор с удовольствием зачерпнул пахнущее укропом варево.

– Знакомый? Я что-то таких не помню... – проговорил задумчиво Акулина, вытирая мокрые руки о подол фартука, усаживаясь за стол рядом со свекром.

– А он мой знакомый, городской... В тридцать седьмом с ним познакомились... – угрюмо буркнул дед Федор, раздумывая о чем-то своем.

«Знакомство с особистом»

5

Март 1942

В штабе царила традиционная суэта. Составлялись планы, щелкали клавиши пишущих машинок. Ординарцы носились из одной комнаты в другую, слышался чей-то рассерженный голос, отчитывающий нерадивого исполнителя. Лишь в кабинете командира дивизии полковника Перховича было спокойно. Горела буржуйка, потрескивая дровами, выпуская ароматный смолистый дым через узенькое отверстие в трубе.

Франц Иосифович перебирал штабные карты, продумывал будущий маршрут многокилометрового марша, рассчитывая сколько техники понадобится для того, чтобы вывести скудное хозяйство нажитое в Вологде, сколько железнодорожных составов и времени необходимо для перевозки такого количества людей и техники. В дверь постучали.

– Входите!– не отрываясь от бумаг, произнес полковник, поправляя сползшие на нос маленькие очки-половинки. Он был немного подслеповат. Годы давали свое, ведь Франц Иосифович присягал задолго до образования республики советов и русской революции. Служил на фронтах Первой Мировой, где впервые встретился с немецким военным педантизмом и отточенной тактикой кинжальных обхватов. Окончил пехотное училище, выходец из дворянской семьи. Он получил замечательное образование, разговаривал на двух языках, прекрасно мог найти себе работу и в эмиграции, но в какой-то момент, когда самодержавие рухнуло. Решил остаться на Родине, присягнув РККА. С того момента прошло много лет, но никогда Перхович не пожалел об этом. Даже когда повсеместно черные воронки темной непроглядной ночью забирали его сослуживцев, таких же белых офицеров, перешедших на сторону победившего социализма, Франц Иосифович оставался непоколебим, уверен в том, что государство лучше знает, что оно разберется. Воспитанный в лучших традициях монархизма, он не мог, не умел думать по-другому, свято оставаясь верен своей клятве служить России.

На пороге его кабинета, если можно было так назвать узкую, будто пенал для карандашей, лачугу, освещенную тусклым светом керосиновых ламп, развешенных по углам, стоял начальник особого отдела дивизии майор Тополь – хамовитый нагловатого облика офицер, который имел довольно смутное представление о военной службе и организации войскового жизнеобеспечения, зато умело и ловко составлял докладные записки на имя начальника особого отдела армии товарища Гаврилова.

– Разрешите, товарищ полковник?– уточнил он, расстегивая черный кожаный плащ, который придавала ему сходство с теми самыми первыми чекистами, строившими революцию, чем Тополь в душе невероятно гордился. Перхович кивнул и убрал бумаги на край стола. Устало снял очки, протер их идеально белым платочком. Терпеливо стал ждать, уверенный, что майор начнет объяснять сам, зачем пришел.

– Товарищ полковник, – начал, откашлявшись, Тополь, заметно смутившись от такого спокойного и холодного приема, вам известно, что творится в вашей 189-ой разведроте? Особый отдел очень обеспокоен происходящими там событиями...– покачал он головой, выводя полковника на разговор.

– И что же у меня творится в разведроте?– спокойно переспросил Перхович, все так же протирая очки.

– Вы в курсе утреннего инцидента?

– Конечно, товарищ майор! Командир дивизии обязан знать, что творится в вверенном ему подразделении,– Перхович наконец-то отложил свои очки и посмотрел на особиста прямо и открыто,– что такого в том, что наш солдат застрелил двух опасных преступников, которые намеривались на него напасть, отобрать оружие и черт знает, простите, как им воспользо-

ваться... Наградной лист на присвоение младшего сержанта я ему уже подписал и отправил в штаб армии...

– Да как... – майор Тополь не мог выговорить и слова. Его скрутило от злости, и если бы он мог, то он непременно врезал бы этому заумному старому деду, корчащему из себя, не пойми что... – Я посадил его на гауптвахту!

– За что, если не секрет? – улыбнулся полковник своей спокойной дедовской улыбкой, которая вроде и не таила в себе опасности, но вкупе со вкрадчивым голосом, напоминало шипение гадюки, готовой броситься из-за кустов на противника. Его не могли съестть тогда, в тридцать седьмом, не позволит он сделать этого и сейчас.

– За невыполнение пунктов устава гарнизонной и караульной службы. Перед открытием огня по мирным жителям рядовой Подерягин был обязан сначала сделать предупредительный выстрел, а потом открыть огонь на поражение.

– Боюсь, бежавшие заключенные ни того, ни другого сделать ему не позволили. В сложившихся обстоятельствах, я считаю, что солдат поступил абсолютно правильно, – отрезал Перхович, начиная закипать.

– Да вы видели вообще его личное дело?! – разозлился майор Тополь, вскочив со своего места. Нависнув над Францом Иосифовичем, как скала. – Сын дворянина, кулак, ярый противник революции! Таких расстреливать надо, а не награждать!

– Хватит! – стукнул кулаком Перхович, вскочив следом, расплескав по оперативным картам остывший чай. – Хватит! На расстреливались! Страна находится в состоянии войны с сильным и хорошо обученным противником! У нас каждый солдат, каждая жизнь на счету, потому что идет война на полное истребление! От таких вот, как этот ваш Подерягин. Умудренных жизнью сорокалетних мужиков, на фронте больше толку, чем от безусых идеалистов, которых можно использовать только как пушечное мясо, чтобы заткнуть дыры на фронте!

– Ах, вот вы как думаете о настоящих коммунистах? О комсомольцах, идущих добровольцами на фронт! Для вас они пушечное мясо? А кулак, белобандит, контра вшивая – настоящий защитник Отечества?

– Давайте закончим этот разговор, товарищ майор! – остыл Перхович, который понял, что наговорил лишнего и перегнул палку. – Пока я командир дивизии и я отвечаю за ее боеготовность! Такие как Подерягин в разведке нужны. Что может придумать лейтенант Зубов – восемнадцатилетний мальчишка, только что окончивший пехотное училище, опираясь на таких, как этот солдат, у него появляется робкий, но единственный шанс выжить!

– Понятно все с вами... – обреченно покивал головой Тополь, застегивая плащ обратно, собираясь на выход. – Перед моим назначением в управлении штаба армии мне тоже говорили, что вы из этих...

– Этих? – нахмурился Перхович.

– Разрешите идти, товарищ полковник? – сделал каменное лицо, спросил разрешения особист.

– Что значит из этих майор?

Но Тополь, не ответив, быстрым шагом покинул штаб. Перхович устало сел на свое место и потер усталые, воспаленные от постоянного недосыпа, глаза. Ему не хотелось ссориться с особым отделом, но и отдать на растерзание НКВД хорошего солдата он не имел права, не этому его учили в пехотном училище. Руки трясло. Он с удовольствием отхлебнул холодный чай, наслаждаясь его сладостью. С мыслью о том, что Тополь, так этого не оставит и обязательно доложит о случившемся в штаб армии. Ну и плевать... Подумал Франц Иосифович. Дальше фронта сейчас уж точно не пошлют. Через пару минут он снова склонился над картой, прокладывая маршрут переброски дивизии под Воронеж, где она вскоре должна была войти в состав 40-ой армии Воронежского фронта.

6

Пребывание Подерягина на гауптвахте закончилось так же молниеносно и быстро, как и его попадание туда. Петр, пожалуй, даже не успел осознать моментально меняющуюся ситуацию. Вот только что, он отдавал свое личное оружие, ремень своему комроты, спарывал пуговицы с гимнастерки, а через полчаса в его сарай зашел сам Прохор Зубов и отдал все обратно с извиняющимся видом, явно смущенный такими переменами.

В душе Петр понимал, что парнишка не виноват, что мал еще, чтобы показывать зубы таким волчарам, как дивизионный особист, вступаясь за своих людей, но горечь все равно осталась, потому он и не жалел виновато потупившего глаза в пола лейтенанта.

– Петр Федорович... – он протянул автомат и солдатский ремень лежавшему на узких плохо обструганных нарах Подерягину.

– Я так понимаю, я прощен? – с легкой усмешкой сквозь свои черные густые спросил Петя, принимая всю амуницию от своего командира.

– Командир дивизии подписал представление в штаб армии на младшего сержанта...

– Угу... – буркнул Подерягин, натягивая ремень. – Это конечно было бы хорошо, если б еще сержантов точно так же, как и рядовых не убивали.

– Всех убивают! – заметил Прохор.

– Вот и я говорю, товарищ лейтенант, – улыбнулся ему Подерягин, – что, какая разница, сержантом тебя убьют или рядовым? Семье ведь от этого легче не станет? Детям твоим? У тебя есть жена, Проща? – неожиданно по-домашнему обратился к нему Подерягин, глядя прямо лейтенанту в глаза.

– Только мать в Ленинграде...

– А у меня жена и двое деток! Думаешь мне охота умирать? Нет, Прохор Иванович, не охота!

– А Родина?

– Родина... – задумался Петр, а потом, словно надумав что-то, присел рядом с лейтенантом, отложив автомат в сторону. – А что мне дала Родина? Вот бьюсь и не припомню. Может хату срубила? Нет... Когда отца поместье отобрали, сожгли, мы переехали сюда, и тут дед мой развернулся. Сам смастерил избу, сам поставил мельницу, начав молоть муку всем в ближайших селах. К нему из города ехали, помол такой мелкий был. И что? Кулаками сказались... Отобрали мельницу, батю в колхоз запрятали коровам хвосты крутить. Меня трактористом на МТС. Так за какую Родину мне надо умирать, а? За ту, которая мне все это сотворила? Или за какую-то другую? Вот, что я скажу тебе товарищ лейтенант, выбрось из головы всю эту ерунду про Родину. Ты защищаешь свою мать и свой дом, больше ничего! Такие фанатики, которые за Родину, за Сталина кричат на полях сражений, – он понизил голос до почти шепота, – на дзот грудью бросаются, под танк со связкой гранат, таранят вражеские «мессеры» в небе... Они не понимают, что дзот можно было обойти, не положи роту возле него, танк пропустить, а пехоту от него отсечь, а с самолета катапультироваться, чтобы потом на другом таком же уничтожить десять, нет, двадцать истребителей врага. Для них главное почетно умереть, а не победить, чтобы товарищ Сталин покивал головой, читая заметку в «Правде» и похвалил. Вот когда ты это поймешь, что надо воевать без фанатизма, а просто профессионально, тогда и станешь хорошим офицером.

– Но вы же пошли на войну... – заметил потрясенный Зубов, для которого слова Подерягина стали настоящим откровением. Это настолько сильно отличалось от того, что ему говорили, в школе, в училище, настолько было оглушительно резко и болезненно, что он чуть не расплакался совсем по-детски, чувствуя, как все его внутренние идеалы втаптывают в грязь.

– Пошел!– кивнул Петр, вставая с нар.– Не хочу, чтобы мои Шурка с Колькой, когда подросли на немецком балакали...Разрешите идти, товарищ лейтенант?– спросил Подерягин, но Зубов не услышал его вопроса. Он отрешенно смотрел в противоположную стену, решая очень сложный, первый серьезный в своей восемнадцатилетней жизни вопрос. Кто этот рядовой Подерягин? Тщательно маскировавшаяся все эти годы контра? Или все-таки патриот, который любит свою Родину, молотившую его почему зря всю его сознательную жизнь, то и дело, опуская на самое дно существования, своей, извращенной грубой любовью?

После затхлого, пропахшего насквозь мышами сарая воздух на улице показался кристально чистым. Петр с наслаждением вдохнул его, подумав, что зря все-таки открылся Зубову. Мало ему было проблем с особистом, который спит и видит, чтобы разоблачить в нем немецкого шпиона, так теперь еще, похоже, он умудрился настроить против себя и лейтенанта.

– Петька! Петр!– откуда-то сбоку от него раздался голос Гришки Табакина. Спотыкаясь, он бежал к нему по начинающей подсыхать дорожной грязи. – Выпустили все-таки? А у нас весь взвод не верил...Говорят, если майор Тополь в кого-то вцепится, то его силой не оторвешь...

– Оказалось можно,– пожал плечами Подерягин, двигаясь в сторону их барака.

– Говорят, сам Перхович за тебя заступился!– довольно сообщил Табакин, будто это за него писал представление сам командир дивизии. Хороший он был парень Гришка Табакин – простой и открытый, такие Петру нравились.– Особист то, особист это...Да что там говорить! Сами милиционеры из Вологды приезжали, хотели лично благодарность тебе выразить, да только Тополь не пустил...

Гришка оборвался на полуслове, только сейчас заметив, что настроение у Петра далеко не радостное. Подерягин положил автомат на нары, а сам сел за небольшой стол, где солдаты обычно писали письма домой. Свет от чадающей керосиновой лампы был слабым, но Петр все равно достал мятый тетрадный листок и чернильный прибор.

– Понятно...– поняв, что он сейчас стал лишним Гришка со вздохом удалился из палатки, оставив Петра наедине со своими мыслями.

Желание написать письмо домой пришло неожиданно, вместе со спором о Родине и семье. Вспомнились улыбчивые, черные, как омут глаза Акулины, ее мягкая покорная улыбка, вредный и склочный голос отца, шумливые выходки Коли и послушная Шурочка. От тоски засосало в груди. Макнув перо в чернильницу, он хорошо поставленным почерком начал писать, зная, что из всей семьи грамотным является лишь отец, Петр обращался ко всем сразу:

Дорогие mio, домашние! Шлю вам привет из холодной и зябкой Вологды, где стоит наша часть. Здравствуй, моя дорогая и любимая Акулюшка, как ты там живешь без меня? Как здоровье? Как ведет себя батя? Как дети? Передавай большой привет Николаю и обними за меня крепко-крепко нашу Шурочку! Подросли уже, небось? Сколько времени прошло с того момента. Как я попал в армию... Уже май, а прощались мы в марте, как я жалею, что так и не сказал тебе, что очень вас всех люблю! Немцы от вас далеко? До нашей части новости доходят плохо! Стоим в лесу, Вологда где-то рядом. Познакомился с земляком Гришкой Табакиным. Служим с ним в одном подразделении. Командир у нас хороший, но молодой и горячий. Зовут Прохор Зубов – коренной ленинградец. Гришка со Старого Оскола.

Уж, простите меня, что не так часто пишу. Редко выпадает свободная минутка. Все чаще нас гоняют на стрельбы, марши и учения. Командир дивизии – Франц Иосифович Перхович белый офицер, человек чести и наивысшего достоинства. За солдата заступается и в обиду никому не дает.

У вас, наверное, уже сады зацвели? А здесь слякотно, сыро и промозгло...Постоянно дует холодный ветер! Тут и снег не везде сошел. Служу нормально, служба нравится. Сегодня за задержание особо опасного преступника обещали повысить в звании. Буду младшим сержантом, но вряд ли пропустит штаб армии. Слишком у нас, батя, подпорченная биография.

Ходят слухи, что скоро возможно пошлют на фронт. Оттуда почта будет ходить медленнее. Не все время нам в резерве ставки стоять! Как отправимся и куда – напишу. За этим прощаюсь, всех обнимаю и целую!

Май 1942 года Вологда

Ваш сын, муж и отец Петр Подерягин.

Еще раз перечитав письмо, коротенькое и лаконичное, Петр отложил перо и аккуратно закрыл чернильницу. Легкими, давно заученными движениями свернул треугольник, на таком импровизированном конверте подписав несколько строчек адреса.

Мысль о том, что его родное село находится в оккупации, даже не приходило ему в голову. Мир разделился для него с марта месяца по какому-то территориальному признаку. Там, где находилась его семья – был мир, а там где он – война. Вот такое странное ощущение ему перебороть никак не выходило, зато получилось одолеть нахлынувшую после всех сегодняшних перипетий грусть. Какую мог нежность, накопившуюся в сердце, он вложил в это коротенькое послание и стало немного полегче, словно поговорил с родными, хвастаясь своими успехами, стараясь оградить от неурядиц.

Спрятал письмо в карман, пообещав себе, что завтра непременно отдаст его почтальону. Сквозь щели в бараке спускались серые сумерки. Он все никак не мог привыкнуть к вологодским вечерам, когда не было розового длинного заката, как на его родине, а ночь опускалась в одно мгновение, будто везде тушили свет. За дверями барака слышались голоса сотни ног, возвращающихся с вечерней прогулки. Кто-то запел песню. Перед баракком шаги стихли, раздался звонкий голос Зубова:

– Становись!

Спохватившись, Петр схватил автомат и поспешил на вечернее построение. Не хватало еще за это сегодня ему заработать несколько суток гауптвахты. Он бегом врзался в кривоватый стоящий строй, заняв свое место возле Гришки Табакина. Перед строем стоял лейтенант с розовыми от мороза щеками и зачитывал список личного состава:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.